
В. С. СОБОЛЕВ

Из истории деятельности Академии наук по охране документальных памятников в первые годы революции

Академия наук всегда являлась носителем и продолжателем культурных и научных традиций. Одной из таких традиций была деятельность по охране и пропаганде памятников истории и культуры. Сегодня необычайно возрос интерес широких кругов общественности к судьбам отечественного культурного наследия в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому изучение различных аспектов многогранной деятельности Академии в этом плане можно считать актуальным.

После победы Октябрьской революции советское правительство приняло ряд законодательных актов, которыми были провозглашены новые подходы к проблеме охраны и использования историко-культурного наследия. Однако практическое претворение этих декретов центральной власти на широких просторах России было делом нелегким, и этот процесс нельзя оценивать однозначно. Разрыв между словом и делом был вызван трудностями гражданской войны и всемерным стремлением ускорить проведение в стране экономических, социальных и идеологических революционных преобразований. Так, ликвидация помещичьего землевладения нередко сопровождалась уничтожением усадебных архивов и библиотек или их весьма пагубным распылением. Подобная картина часто наблюдалась и при ликвидации прежних сословных учреждений, в том числе дворянских, купеческих и др. Фронтальное наступление государства на церковь, объявленную одним из главных идеологических противников революционных преобразований, не могло не вызвать у большей части населения активно-отрицательного отношения к церковным памятникам и, в частности, к монастырским библиотекам и собраниям предметов искусства. Одной из объективных причин такого положения был и невысокий уровень общей культуры части народных масс.

Академия наук в те трудные годы являлась одной из организаций системы Наркомпроса, которая неуклонно и настойчиво боролась за сохранение национального культурного наследия. В этой статье мы попытаемся рассмотреть лишь один аспект этой широкой работы — охрану документальных памятников. Нам удалось выявить в фондах С.-Петербургского филиала Архива РАН конкретный фактический материал об этом. В практическом решении этих вопросов активную роль играл в то время ряд академических учреждений гуманитарного профиля: Библиотека, Пушкинский Дом, Азиатский музей, Археографическая комиссия (АК), Постоянная историческая комиссия (ПИК).

В условиях революционной коренной ломки старого общественного устройства часто приходилось в буквальном смысле спасать ценные комплексы документов от неминуемой гибели. В январе 1918 г. в Академию обратились представители петроградского дворянского собрания с просьбой в срочном порядке принять на хранение архив дворянства. В связи с ликвидацией сословных дворянских учреждений возникла прямая угроза утраты архивных материалов, представлявших, по отзывам многих историков и генеалогов, высокий научно-исторический интерес. Данный вопрос был обсужден 24 января на Общем собрании Академии под председательством академика А. П. Карпинского, при этом было принято решение выделить соответствующее помещение для документов и «поручить директору I Отделения Библиотеки принять соответствующие меры».¹

В июне 1918 г. подобным же образом был решен вопрос о принятии на хранение в Пушкинский Дом «Пушкинского отдела» ценной библиотеки ликвидированного Александровского лицея.²

Далеко не случайным, на наш взгляд, стал тот факт, что в апреле 1918 г. в Академию обратился «Совет Союза российских архивных деятелей» с заявлением, в котором указывалось, что на экстренном заседании, при участии уполномоченного Совнаркома петроградской коммуны Д. Б. Рязанова, принято решение создать Совет по управлению архивами Петрограда, при этом указывалось на необходимость направить представителя Академии для работы в этом органе. Этим представителем стал академик А. С. Лаппо-Данилевский.³ Следует отметить, что эти первые попытки централизации архивного дела в Петрограде происходили при активном участии Академии наук еще до появления знаменитого ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела».

В те годы для личных архивов еще чаще возникала угроза гибели. Так, в ноябре 1918 г. в Академию поступило сообщение о том, что известный исследователь истории Финляндии (его фундаментальная «История Финляндии» была удостоена академической Уваровской премии), член Русского исторического общества М. М. Бородин арестован и содержится в «Крестах», а его квартира (ул. Глинка, д. 15) «с весьма ценной научной его библиотекой и архивом подвергалась разгрому». М. М. Бородин в течение 40 лет служил в меру своих сил русской науке, и вот после ареста он, 70-летний старик, «лишился всего своего имущества, оставшись даже без платья и без белья». Общим собранием Академии было сразу же направлено ходатайство наркомку просвещения А. В. Луначарскому «об освобождении ученого и об охране его научного имущества».⁴

А вот другой, не менее потрясающий пример. В марте 1920 г. академик Ф. И. Успенский обратился за помощью к Общему собранию Академии. Ученый заявил, что временно занимаемая им квартира академика В. И. Вернадского⁵ уже несколько раз «подвергалась погрому». Как выяснилось, это «работала» «Комиссия по национализации имущества В. И. Вернадского», при этом взламывались все ящики и сундуки, все их содержимое переносилось в «особые корзины» и опечатывалось. Далее почтенный ученый муж поведал высокому собранию о том, что «по ошибке или по излишней ревности в опись попали и его собственные драгоценные рукописи», и попросил предпринять «хотя бы некоторые меры, дабы дать ему покой в

¹ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1918, д. 165, ОС, § 24.

² Там же, § 154.

³ Там же, § 71.

⁴ Там же, § 273.

⁵ В это время В. И. Вернадский находился в занятом Врангелем Крыму и являлся ректором Таврического университета.

скромном помещении из двух комнат». Вице-президент академик В. А. Стеклов пообещал сделать «возможное для облегчения положения» Ф. И. Успенского, но присовокупил, что «сделать можно очень мало».⁶

Иногда ученым приходилось принимать самые незамедлительные меры по спасению документальных памятников. Так, в апреле 1920 г. руководство Академии организовало спасение личных архивов Шуваловых и Воронцовых, находившихся в доме № 10 по ул. Моховой, так как там в спешном порядке был размещен военный госпиталь. Академик А. А. Шахматов произвел обследование материалов прямо на месте и доставил книги и рукописи в Библиотеку и Пушкинский Дом.⁷

Очень активную роль в спасении культурных ценностей играл старший ученый хранитель Пушкинского Дома, член-корреспондент Академии Б. Л. Модзалевский. В мае 1920 г. по его инициативе было организовано спасение ценных книг в связи с ликвидацией известного книжного магазина и склада Тузова в Гостином дворе (так как местные власти дали команду все «вредные книги» отправлять в переработку на бумагу).⁸ В ноябре того же года Б. Л. Модзалевский провел обследование комплекса архивных материалов, находившихся в Мраморном дворце, принадлежавшем до революции бывшему президенту Академии наук, вел. кн. Константину Константиновичу.⁹ В соответствии с его заключением Академия наук обратилась к Академии истории материальной культуры с просьбой о передаче целого ряда документов, в их числе: рукописного наследия вел. кн. Олега Константиновича, документов барона Г. В. Розена и А. П. Ермолова и др.¹⁰

На одном из заседаний Общего собрания Академии в феврале 1922 г. неперенный секретарь Академии академик С. Ф. Ольденбург доложил о срочных мерах, принятых руководством Академии по спасению библиотеки Феофана Прокоповича из бывшей Новгородской духовной семинарии. Дело в том, что Новгородский губернский отдел народного образования дал распоряжение «об уничтожении книг богословского содержания». Академией сразу же были даны соответствующие телеграммы в Новгородский губисполком, Губоно и Наркомпрос. Через несколько дней из Новгорода было получено сообщение о том, что библиотека передана в ведение местного института народного образования и «бдительно охраняется». Общее собрание Академии в ответ на это с большим тактом и сугубо российской интеллигентностью постановило: «Благодарить Новгородский губернский отдел народного образования».¹¹

Академии наук гораздо сложнее было выполнять свою благородную миссию по охране документальных памятников, когда дело касалось отдаленных от городов мест, «глухой провинции», а там так же остро нуждались «в помощи» архивы и библиотеки многих погибающих усадеб, этих еще до сих пор по-настоящему не изученных и по достоинству не оцененных «культурных гнезд».

Б. Л. Модзалевский в октябре 1918 г. сообщил неперенному секретарю С. Ф. Ольденбургу о том, что в Надбелье, близ станции Оредеж Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, создалась реальная угроза гибели библиотеки и архива П. Я. Дашкова, имеющих «общерусское значение». Его дом «подвергся страшному разгрому, так что долгое время вся усадьба

⁶ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1920, д. 168, ОС, § 39.

⁷ Там же, § 55.

⁸ Там же, § 74.

⁹ В здании в это время размещалась Российская Академия истории материальной культуры.

¹⁰ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1920, д. 168, ОС, § 149.

¹¹ Там же, оп. 1 а—1922, д. 170, § 36.

была засыпана клочьями разорванных и разбросанных рукописей замечательного Дашковского собрания». Но стало известно, что «кое-что еще можно спасти для науки». Вопрос этот в срочном порядке обсуждался на заседании Отделения русского языка и словесности Академии под председательством А. А. Шахматова. Было решено просить местного краеведа П. А. Брюна срочно провести обследование Дашковского собрания, ассигновать ему на эту цель 300 р.; одновременно было решено обратиться в Лужский совдеп с просьбой об охране дома и просьбу эту подкрепить обращением к наркому просвещения.¹²

Несколько позднее Академией наук был выдан охранный лист члену-корреспонденту О. А. Федченко и возбуждено ходатайство перед Наркомземом об охране организованного ею ботанического сада, архива и библиотеки, находящихся в ее доме в Можайском уезде Московской губернии. Дело заключалось в следующем: совет Борисовской волости Можайского уезда «предложил О. А. Федченко в 24 часа выехать из имения», а затем явились посланные от волостного совета (никакой бумаги они не предъявили) и увезли на шести возах архив, часть библиотеки и другое имущество. Академия просила Наркомзем «оказать содействие к возвращению отобранных документов, книг и имущества».¹³

В начале 1919 г. Академией были приняты срочные меры по спасению архива почетного члена Академии наук П. С. Таганцева, у которого комбед Доркской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии описал документы и книги «в числе другой движимости» (хотя само имение по личной просьбе П. С. Таганцева уже было взято в государственную собственность). Руководители Академии и на этот раз применили, пожалуй, единственную доступную им меру «социальной защиты» — обратились за помощью в Наркомпрос и к управляющему делами СНК Н. П. Горбунову.¹⁴ Подобные примеры можно было бы продолжить.

Как уже упоминалось, Постоянная историческая комиссия Академии под председательством академика С. Ф. Платонова активно проводила работу по охране архивных материалов, делались с ее стороны попытки координации этой работы как внутри академической системы, так и при взаимодействии с учреждениями других ведомств. В состав Комиссии входили авторитетные ученые: С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Ф. И. Успенский и др. В отчете Комиссии за 1921 г., в частности, говорилось о том, что она «координирует работы и мероприятия по собиранию, систематизации и охране памятников письменности, исторических документов и материалов и руководит подготовкой ученых специалистов по археографии».¹⁵

В июле 1922 г. на заседании историко-филологического отделения Академии наук был заслушан доклад другой академической комиссии — Археографической о деятельности в этом же направлении. В частности, указывалось, что Комиссией спасен и уже доставлен в Петроград ценный архив бывшего Александро-Свирского монастыря, в том числе. Приходо-расходные книги XVII в. (в количестве 156 шт.), Столбцы XVI—XVII вв. (600 шт.), Книги таможи монастыря XVII в. (28 шт.) и мн. др.¹⁶

¹² Там же, оп. 1 а—1918. д. 165, РЯ, § 114

¹³ Там же, ОС, § 302.

¹⁴ Там же, оп. 1 а—1919, д. 167, § 19.

¹⁵ Документы по истории Академии наук СССР 1917—1921 гг. Сб документов Л. 1986, С. 212—213.

¹⁶ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1922, д. 171, § 124

В тяжелейших условиях разрухи, голода, перебоев в работе транспорта российские ученые, не считаясь ни с какими трудностями, выезжали «на места», в самые далекие уголки страны с целью охраны памятников культуры, являясь при этом как бы эмиссарами Академии наук.

В июле 1918 г. академик Я. И. Смирнов проводил изучение архива и библиотеки в Николаевском Песношском монастыре Дмитровского уезда Московской губернии.¹⁷

В ноябре того же года академик В. Н. Перетц прислал неперемому секретарю С. Ф. Ольденбургу письмо из Самары: в нем говорилось о той научной и организационно-общественной работе, которую проводил в это время ученый в городе на Волге. Приведем небольшую часть этого документа: «...описываю древние рукописи местных библиотек, работаю — и немало — в качестве председателя Комиссии по охране культурных ценностей (бесплатно) и успел за 2 недели спасти 10 библиотек, а остается их еще около 100! Среди них есть такие, как Юрия Самарина!». ¹⁸ Думается, что нет необходимости комментировать эти строки.

В августе 1919 г. профессор А. Н. Самойлович был командирован Академией на три недели в Казань и в другие приволжские города для сбора «произведений мусульманской и иной иноязычной печати».

Необходимо отметить, что в первые годы революции сохранность архивных документов не всегда обеспечивалась и в самих центрах страны (в Москве и Петрограде). В этом плане весьма показательным является доклад, сделанный академиком С. Ф. Платоновым на Общем собрании Академии в январе 1922 г. Угрожающее положение сложилось в самых важных архивах страны в связи с резким сокращением штатов и бюджетных ассигнований. В частности, в докладе указывалось, что в Московском архиве юстиции (в нем хранилось несколько миллионов дел) осталось 5 человек штатных работников. В Петроградском государственном архиве осталось два штатных работника (это сам С. Ф. Платонов с помощницей) и в Петроградском архиве иностранных дел — также два человека (С. К. Богоявленский с помощником). По докладу ученого Общим собранием Академии было постановлено: «заявить соответствующим органам власти о совершенной недопустимости сокращения штатов архивных учреждений в размерах, угрожающих гибелью архивных фондов».¹⁹

Важную роль в деле охраны памятников культуры и истории играли и академические музеи. Довольно знаменательным, на наш взгляд, можно считать то, что в «Записке русских ученых о необходимых мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы», направленной весной 1920 г. в советское правительство, говорилось о необходимости дальнейшего развития музейного дела в Академии, о роли музеев в спасении и в охране «культурных ценностей страны».²⁰

Деятельность по охране документальных памятников в большей степени проводилась Азиатским музеем, по праву считавшимся одним из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности. Сотрудники музея в первые годы революции работу по комплектованию своих фондов проводили настойчиво и целенаправленно. Вот какова была динамика новых поступлений Азиатского музея в то время:²¹

¹⁷ Там же, оп. 1 а—1918, д. 165, § 171.

¹⁸ Там же, оп. 1 а—1919, д. 167, ИФ, § 160.

¹⁹ Там же, оп. 1 а—1922, д. 170, § 23.

²⁰ АРАН, ф. 2, оп. 1—1920, д. 7, л. 3—4 (записку составил академик А. Е. Ферсман, в документ внесли академик В. А. Стеклов и М. Горький).

²¹ АРАН, ф. 152, оп. 1 а, д. 71, л. 4.

Годы	Количество поступлений	Годы	Количество поступлений
1918	1 161	1921	1 991
1919	1 604	1922	1 374
1920	4 104	1923	1 469

Можем назвать и наиболее ценные приобретения тех лет: в 1918 г. — рукописные собрания академиков В. Р. Розена (156 номеров) и В. В. Радлова (50 номеров); в 1919 г. — библиотека академика К. Г. Залемана (910 номеров); в 1920 г. — библиотеки члена-корреспондента О. Э. Лемма (1033 номера) и академика Б. А. Тураева (2262 номера); в 1921 г. — собрания, приобретенные академиком Ф. И. Щербатским в Лондоне (1113 номеров),²² и др.

Вполне понятно, что успешное комплектование фондов академических учреждений документальными памятниками в те трудные годы имело особый смысл и важное значение, так как тем самым многие памятники были спасены от гибели или отправки за границу. В годовых отчетах упомянутых учреждений содержатся подробные сведения об этом. Позволим себе для того, чтобы проиллюстрировать этот род деятельности, привести отдельные выдержки из отчетов учреждений Академии наук.

В отчете Рукописного отделения Библиотеки читаем: «Несмотря на тяжелые обстоятельства переживаемого нами времени, Рукописному отделению в 1919 г., как и в минувшем 1918 г., удалось значительно увеличить свои собрания». На первом месте в ряду новых поступлений стояла часть знаменитого собрания покойного П. Я. Дашкова,²³ в которое входили архивы гр. П. А. Валуева, кн. В. В. Голицына, кн. Г. А. Потемкина-Таврического, гр. А. А. Аракчеева и мн. др. Второе, не менее богатое по количеству рукописей собрание — это чудом спасенный от уничтожения архив Кредитной канцелярии Министерства финансов.²⁴

В отчете Пушкинского Дома за 1923 г. говорится, что Рукописное отделение пополнилось собранием рукописей А. С. Пушкина, завещанных Дому покойным президентом Академии вел. кн. Константином Константиновичем (12 автографов и альбом Ю. Н. Бартенева), большим собранием автографов, принадлежавшим М. И. Семевскому (Пушкин, Гоголь, Островский, Салтыков, Герцен) и мн. др.²⁵

В определенном смысле Академия наук являлась своего рода организующим центром существовавшего в стране движения за охрану памятников истории и культуры. Важную роль в реализации задач этого движения играло успешное взаимодействие академических учреждений со своим активом на местах, с широкими массами энтузиастов-краеведов. Далеко не случаен тот факт, что Центральное Бюро краеведения было создано в январе 1922 г. при Российской Академии наук, а на первой сессии ЦБК в феврале 1922 г. председателем Президиума ЦБК был избран академик С. Ф. Ольденбург.²⁶ Он несколько позднее вспоминал: «Начало систематиче-

²² Там же, л 5

²³ Другая часть собрания П. Я. Дашкова поступила в Рукописное отделение Пушкинского Дома 525 «переплетенных томов» этого собрания, коллекция отдельных автографов, «состоящая из многих тысяч номеров», и проч (см. Отчет Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1919 год Пг., 1921 С 41)

²⁴ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1919 год Пг., 1920 С 48

²⁵ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год Л., 1924 С 111

²⁶ Краеведение 1923 № 1 С 46—47 В состав РАН Центральное бюро краеведения входило три года — с 1922 по 1924

ской краеведческой работы положено Академией наук». ²⁷ О размахе краеведческого движения под общим руководством Академии наук свидетельствуют следующие цифры: к 1 октября 1923 г., по данным ЦБК, в СССР, кроме Москвы и Петрограда, было зарегистрировано и проводило работу 274 краеведческих общества и 359 музеев. ²⁸ Хорошо известно, какой огромный вклад внесли местные краеведы, архивные и музейные работники в охрану памятников истории и культуры (в том числе и документальных памятников). Нередко в своей нелегкой повседневной работе они прибегали к помощи и авторитету Академии наук. Сошлемся только на один документ, подтверждающий данное положение. Это приветствие, с которым обратился I Съезд краеведов Ярославского края (на съезд собрались представители 10-ти уездов Ярославской, Тверской и Череповецкой губерний) в мае 1920 г. к Академии: «Приветствуем научный центр России, который ведет несмотря на тяжелые условия восхищающую своей разносторонностью, многообразием и интенсивностью научную деятельность» ²⁹ (в первые годы революции Академия получала десятки подобных приветствий «с мест»).

Думается, что приведенный в настоящей статье фактический материал со всей убедительностью свидетельствует о той важной роли, которую играла Российская Академия наук в деле охраны документальных памятников в первые годы советской власти. Наши современники должны знать правду о высокой гражданственности и активности главного научного центра страны в деле сохранения культурного наследия, в оценке его значения в жизни общества. Нынешним работникам Академии наук необходимо продолжать и развивать эти давние академические традиции.

²⁷ Научный работник. 1925. № 3. С. 6.

²⁸ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год. С. 155.

²⁹ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1920, д. 168, § 94.